Ссылки на свидетельства, где Господь открывается в трех ипостасях.

1) Свидетельство Владимира после автокатастрофы....

{rokbox title=|Свидетельство Владимира после автокатастрофы....|thumb=|images/vladimir.jpg|size=|750 450| album=|demo|}http://www.youtube.com/watch?v=V-E3tDSTEjU&feature=youtu.be=1&autoplay=0{/rokbox}

2) Миллионер умер и воскрес, отказался от денег!

{rokbox title=|Миллионер умер и воскрес, отказался от денег!|thumb=|images/milin.jpg|size=|750 450| album=|demo|}https://www.youtube.com/watch?v=8vaUZc-aBWg&feature=youtu.be=1&autoplay=0{/rokbox}

3) «Монахиня ожила на третий день после смерти».

Она увидела свое тело со стороны — лежащим на операционном столе. Вокруг суетились медики. К груди прижали похожий на утюг прибор.

— Разряд! — крикнул профессор Псахес.
Тело дернулось. Но она не почувствовала боли.
— Разряд!

— Сердце не реагирует!
— Разряд! Еще! Еще!
Врачи пытались «завести» ее сердце почти полчаса. Она увидела, как молодой ассистент положил руку на плечо профессору:
— Борис Исаакович, остановитесь. Пациентка мертва.
Профессор стащил с рук перчатки, снял маску. Она увидела его несчастное лицо — все в капельках пота.
— Как жаль! — сказал Борис Исаакович. — Такая операция, шесть часов трудились...
— Я здесь, доктор! Я живая! — закричала она. Но врачи не слышали ее голоса. Она попыталась схватить Псахеса за халат, но ткань даже не шевельнулась.

Профессор ушел. А она стояла возле операционного стола и смотрела, как завороженная, на свое тело. Санитарки переложили его на каталку, накрыли простыней.
Она услышала, как они говорят:
— Опять морока: приезжая преставилась, с Якутии...
— Родня заберет.
— Да нет у нее никакой родни, только сын-малолетка.
Она шла рядом с каталкой. И кричала:
— Я не умерла! Я не умерла! Но никто не слышал ее слов.

Жизнь
Монахиня Антония вспоминает свою смерть с трепетом:
— Господь милостив! Он любит всех нас, даже распоследнего грешника...
Антония постоянно перебирает четки. Ее тонкие пальцы дрожат. Между большим и указательным видна старая татуировка — едва заметная буква «А».
Матушка Антония перехватывает мой взгляд. Я смущаюсь, словно подсмотрел что-то запретное.
— Это память о тюремном прошлом, — говорит монахиня. — Первая буква моего имени. По паспорту я Ангелина. В юности страсть какая бедовая была...

— Расскажите!
Матушка Антония испытующе глядит на меня. Такое ощущение, что она видит меня насквозь. Минута кажется вечностью. Вдруг замолчит, вдруг откажет?
Наша встреча не была случайной. В Печоры Псковской области, где вблизи знаменитого Свято-Успенского монастыря живет 73-летняя матушка Антония, я приехал, получив весточку от знакомых верующих: «У нас чудесная монахиня есть. На том свете побывала».
Матушка Антония, как оказалось, в недавнем прошлом была устроительницей и настоятельницей женского монастыря в Вятских Полянах Кировской области. После

третьего инфаркта по слабости здоровья была отправлена на покой. С журналистом «Жизни» согласилась встретиться только после того, как получила рекомендации от духовных лиц.

Мне кажется, что она мою просьбу отсылает куда-то наверх. И получает ответ. У меня замирает дыхание.

Наконец она произносит:

— Расскажу. Не зная моего прошлого, не понять того, что случилось со мною после смерти. Что уж было — то было...

Матушка Антония Совершает крестное знамение. Еле слышно, одними губами, шепчет молитву. Чувствуется, что возвращение в прошлое требует от нее немалых душевных и физических усилий словно пловцу, которому предстоит нырнуть в бурлящий водоворот.

Детство

— Родилась я в Чистополе. Это маленький городок на Каме в Татарии. Папа, Василий Рукавишников, ушел на фронт добровольцем. Погиб на Брянщине, в партизанах. Мама, Екатерина, вновь вышла замуж — за старика, он лет на тридцать был старше ее. Я до того возненавидела его, что убежала из дома.

Попала в детдом в Казани. Сказала, что сирота. В конце войны обучили меня вместе с подругами на мотористок и отправили на шахту в Свердловскую область. В первый же день мы бунт устроили — из-за приставаний.

Мы малолетки, а шахтеры там ушлые. В первый же день облапали... Ну я и подбила подруг в Москву бежать, к товарищу Ворошилову. Жаловаться. Добирались на подножках вагонов, отчаянные были, смелые. Заночевали в парке Горького, в кустах, прижимаясь друг к другу...

Ворошилов

— Утром я, как самая маленькая, на вид мне давали лет двенадцать, пошла в разведку. Выбрала на лавочке дяденьку посолиднее. Подошла, спросила, как Ворошилова найти. Дяденька ответил, что запись на прием ведется в приемной Верховного Совета на Моховой улице. Нашли мы эту приемную. Явились туда всей гурьбой. «Куда?» — спросил нас милиционер у двери.

— «К Ворошилову!» — «Зачем?» — «Это мы только ему скажем». Милиционер отвел нас в какой-то кабинет. За столом толстый начальник сидит. Глянул на нас строго: «Рассказывайте!».

А я как заору: «Бежим, девчонки! Это не Ворошилов!». Такой шум мы устроили, что все сбежались. И тут вижу, как Ворошилов входит. Я его по фотографиям знала. Увел нас с собой. Велел принести бутербродов, чаю. Выслушал. И спросил: «Учиться хотите?» — «Да!»

— «Скажите на кого, вам выпишут направление». Я выбрала геологический техникум в Кемеровской области... А там беда вышла — с ворьем связалась. По глупости и от

голодухи. Нравилось мне, как они живут: рисково, красиво. Татуировку сделала, чтобы все видели, что я фартовая. Только погулять долго не получилось: нашу шайку поймали... В тюрьме мне не понравилось.

Сын

— Когда вышла на свободу, дала клятву себе: никогда за решетку не попадать. Вышла замуж, уехала в Якутию — в поселок Нижний Куранах. Работала там в «Якутзолоте». Орден даже заслужила — Трудового Красного Знамени... Сначала все в семье ладно было, сыночка родила, Сашеньку. Потом муж пить начал.

И бил из-за ревности. Потом бросил. Горевать не стала — так с ним намучилась! А тут еще болезнь навалилась. Сначала значения не придала, а потом, как уж прижало (несколько раз сознание средь бела дня теряла), к врачам пошла. Обследовали и нашли опухоль в голове.

Отправили срочно в Красноярск, в клинику мединститута. Я плачу: «Спасите! У меня сынок один, еще школьник — круглым сиротой останется!». Профессор Псахес взялся прооперировать... Знала, что операция опасная, боялась страшно! Тогда и про Бога вспомнила. Прежде такой атеисткой была, богохульницей, а тут на ум молитва пришла. Вернее, стишок духовный, которому меня однажды в детстве одна женщина обучила.

«Сон Богородицы» называется.

Про Иисуса, все его страдания. Почти все Евангелие в этих стихах пересказано... Повезли меня на операцию, а я дрожу и «Сон Богородицы» шепчу. Дали наркоз, сверлить череп стали... Я боли не чувствую, но все слышу — как с головой моей возятся. Долго оперировали. Потом, как сквозь сон, услышала, как меня по щекам хлопают.

«Все, — говорят, — просыпайся!» Я очнулась от наркоза, дернулась, хотела встать, подняться, тут сердце и остановилось. А меня словно что-то наружу из тела вытолкнуло — из себя, будто из платья, выскользнула...

Смерть

...Каталку с безжизненным телом отвезли в холодную комнату без окон. Ангелина стояла рядом. Видела, как ее труп переложили на железный топчан. Как стащили с ног бахилы, которые были на ней во время операции. Как привязали клеенчатую бирку. И закрыли дверь.

В комнате стало темно. Ангелина удивилась: она видела!

— Справа от моего тела лежала голая женщина с наспех зашитым разрезом на животе, — вспоминает монахиня. — Я поразилась: прежде никогда не знала ее. Но почувствовала, что она мне почти родная. И что я знаю, от чего она умерла — случился заворот кишок. Мне стало страшно в мертвецкой. Бросилась к двери — и прошла сквозь нее! Вышла на улицу — и остолбенела.

Трава, солнце — все исчезло! Бегу вперед, а мне дороги нет. Как привязанная к больнице. Вернулась обратно. Врачей, больных в палатах и коридорах вижу. А они не замечают меня. Глупая мысль в голову пришла: «Я теперь человек-невидимка!». Смешно самой стало. Стала хохотать, а меня никто не слышит. Попробовала сквозь стену пройти — получилось! Вернулась в мертвецкую. Опять увидела свое тело. Обняла себя, стала тормошить, плакать. А тело не шевелится. И я зарыдала, как никогда в жизни — ни раньше, ни потом — не рыдала...

Ад

Матушка Антония рассказывает:

— Вдруг рядом со мной, как из воздуха, появились фигуры. Я их для себя назвала — воины. В одежде, как у святого Георгия Победоносца на иконах. Почему-то я знала, что они пришли за мной. Стала отбиваться. Кричу: «Не трогайте, фашисты!» Они властно взяли меня под руки. И внутри меня голос прозвучал: «Сейчас узнаешь, куда попадешь!» Меня закружило, во мрак окунуло. И такое нахлынуло — страсть! Боль и тоска невозможная.

Я ору, ругаюсь всяко, а мне все больнее. Про эти мучения рассказать не могу — слов таких просто нет... И тут на правое ухо вроде как кто тихонечко шепчет: «Раба Божия Ангелина, перестань ругаться — тебя меньше мучить станут...» Я затихла.

И за спиной словно крылья почувствовала. Полетела куда-то. Вижу: слабенький огонек впереди. Огонечек тоже летит, и я боюсь отстать от него. И чувствую, что справа от меня, как пчелка малая, тоже кто-то летит.

Глянула вниз, а там множество мужчин с серыми лицами. Руки вверх тянут, и я их голоса слышу: «Помолись за нас!» А я перед тем, как умереть, неверующая была. В детстве окрестили, потом в храм не ходила.

Выросла в детдоме, тогда нас всех атеистами воспитывали. Только перед операцией про Бога и вспомнила... Той «пчелки» справа не вижу, но чувствую ее. И знаю, что она не злая. Спрашиваю ее про людей: «Кто это и что это?» И голосок тот же, ласковый, отвечает: «Это тартарары. Твое место там...» Я поняла, что это и есть ад.

Рай

— Вдруг я почувствовала себя как на Земле. Но все ярче, красивее, цветет, как весной. И аромат чудный, все благоухает. Меня еще поразило: одновременно на деревьях и цветы, и плоды — ведь так не бывает. Увидела стол массивный, резной, а за ним трое мужчин с одинаковыми очень красивыми лицами, как на иконе «Троица».

А вокруг много-много людей. Я стою и не знаю, что делать.

Подлетели ко мне те воины, которые в морг приходили, поставили меня на колени. Я наклонилась лицом до самой земли, но воины меня подняли и жестами показали, что так не надо, а нужно, чтобы плечи были прямо, а голову склонить на грудь... И разговор начался с теми, что за столом сидели.

Меня поразило: они знали все обо мне, все мои мысли. И их слова словно сами возникали во мне: «Бедная душа, что же ты столько грехов набрала!» А мне было ужасно стыдно: вдруг ясно вспомнился каждый мой плохой поступок, каждая дурная мысль. Даже те, которые я давно забыла. И мне вдруг себя жалко стало. Поняла, что не так жила, но не обвиняла никого — сама свою душу сгубила..

Господь

— Внезапно я поняла, как надо называть того, кто в середине сидит, сказала: «Господи!» Он отозвался — в душе сразу такое райское блаженство наступило. Господь Спросил: «Хочешь на Землю?»

— «Да, Господи!» — «А посмотри вокруг, как здесь хорошо!» Он руки вверх воздел. Я посмотрела вокруг — и ну все как засияло, так было необычайно красиво!

А внутри меня вдруг случилось то, чего я не испытывала никогда: в сердце вошли бесконечная любовь, радость, счастье — все разом.

И я сказала: «Прости, Господи, я недостойна!» И тут пришла мысль о сыне, и я сказала: «Господи, у меня сын есть Сашенька, он без меня пропадет! Сама сирота, от тюрьмы не убереглась. Хочу, чтобы он не пропал!» Господь отвечает: «Ты вернешься, но исправь свою жизнь!»

— «Но я не знаю как!» — «Узнаешь. На твоем пути попадутся люди, они подскажут! Молись!» — «Но как?» — «Сердцем и мыслью!».

Будущее

— И тут мне будущее открыли: «Выйдешь вновь замуж». — «Кто же меня возьмет такую?» — «Он сам тебя найдет». — «Да не нужен мне муж, я с прежним пьяницей на всю жизнь намучилась!»

— «Новый будет добрый человек, но Тоже не без греха. С Севера не уезжай, пока сына в армию не проводишь. Потом встретишь его, женишь. А затем суждено тебе брата найти». — «Неужто он жив?

Я с войны о Николае вестей не имею!» — «Инвалид он, на коляске ездит. Найдешь его в Татарии и сама туда с мужем переедешь. Ты брату будешь очень нужна, будешь ухаживать за ним и сама похоронишь его». — «А с сыном все хорошо будет?» — «За него не беспокойся. Он, как станет взрослым, от тебя откажется. Но ты не унывай. Помни Господа и расскажи людям о том, что видела здесь! И помни — ты обещала исправить свою жизнь!»

Возвращение

— Очнулась я уже в своем теле. Почувствовала, что мне очень холодно: я замерзла сильно. Взмолилась: «Мне холодно!» И голос слышу в правом ухе: «Потерпи, сейчас за тобой придут!» И точно: открывается дверь, входят две женщины с тележкой — хотели анатомировать меня везти.

Подошли ко мне, а я простыню сбросила. Они — в крик и бежать! Профессор Псахес, который меня оперировал, с медиками прибегает. Говорит: «Не должно быть, что жива».

Светит какой-то лампочкой в зрачок. А я все вижу, чувствую, а окоченела так, что сказать ничего не могу, только мигнула глазами. Меня привезли в палату, обложили грелками, закутали в одеяла. Когда согрелась, рассказала о том, что случилось со мной. Борис Исаакович Псахес внимательно выслушал. Сказал, что после моей смерти прошло три дня.

Продолжение

— Еще в больнице, — рассказывает матушка Антония, — я написала о том, что со мной произошло, в журнал «Наука и религия». Не знаю, напечатали ли. Профессор Псахес назвал мой случай уникальным. Через три месяца выписали.

— Уехала я обратно в Якутию, — рассказывает матушка Антония. — Опять в

«Якутзолото» устроилась, я там на хорошем счету была. Работаю, сына ращу. В церковь ходить стала, молиться. Все случилось так, как мне на том свете предсказано было. Замуж вышла, потом сына женила.

И старшего брата Николая, с войны потерянного, нашла — в Татарии. Он одинокий был, инвалид на коляске, уже сильно больной. Мы переехали в Нижнекамск, поближе к брату. Квартиру нам с мужем там дали, как северянам. Я к тому времени уже на пенсии была. Ухаживала за братом до самой его смерти. Похоронила, оплакала.

А потом и сама заболела. В боку закололо, во рту кисло стало. Терпела долго. По сравнению с адскими муками все земные болячки — как укол булавкой.

Уговорили меня сын с мужем в больницу пойти. Из поликлиники отправили на обследование в Казань. А там нашли рак печени. Сказали, что с операцией опоздала, что метастазы пошли. И такая тоска на меня напала — не передать. Грешная мысль пришла: «Кому я нужна такая, всем обуза!».

Пошла на мост — топиться. А перед тем как в воду броситься, с небом решила попрощаться. Подняла глаза — и увидела кресты и купола. Храм. Думаю: помолюсь в последний раз перед тем, как утопиться. Пришла в собор. Стою перед иконой Богородицы и плачу. Тут женщина, что в храме убиралась, заметила мои слезы, подошла, спросила, что со мной случилось.

Рассказала про рак, про то, что муж начал пить, что никому я не нужна, что у сына своя семья и я ему обуза. Что хотела руки на себя наложить. А женщина мне и говорит: «Тебе надо сейчас же ехать в Набережные Челны. Туда приехал чудесный батюшка, архимандрит Кирилл из Риги. Он все на свете лечит!».

Архимандрит

Матушка Антония показывает фотокарточку священника, что висит у нее в келье. На снимке — благообразный, осанистый батюшка с двумя крестами на облачении.

— Это мой духовный отец, — ласково говорит монахиня. — Архимандрит Кирилл (Бородин). Чудотворец и праведник. При советской власти в тюрьме за веру страдал. Он сам, врач по образованию, многих людей исцелил. В 1998 году отошел ко Господу. Мне отец Кирилл не только жизнь спас — душу вымолил.

Приехала я тогда в Набережные Челны по указанному мне в церкви адресу, даже домой в Нижнекамск заезжать не стала. Очередь стоит в квартиру, в которой отец Кирилл принимает, длиннющая. Думаю, всю ночь стоять придется.

Тут дверь распахивается, выходит священник и меня рукой манит: «Матушка, иди сюда!» Завел к себе. Ладонь на голову положил: «Ах, какая ты болящая!» И вдруг в меня радость вошла — как тогда, на том свете перед Господом... Хотела отцу Кириллу о себе рассказать, про то, что на том свете пережила, но он меня остановил: «Я все про тебя знаю».

Монастырь

— Тут батюшка мне и говорит: «Езжай в Елабугу, там монастырь налаживается. Скажешь матушке Евгении, что я прислал», — рассказывает матушка Антония. — Я замялась: «Что вы, батюшка! Муж и сын у меня». Тут отец Кирилл странные слова

произнес: «Нет никого у тебя!» Я ропщу: «Ночь уже!» А он, строго так: «Благословляю идти!». Куда денешься? Пошла на автовокзал. Автобусы рейсовые все уже ушли.

Вдруг мужичок какой-то тормозит: «Кто на Елабугу?». До самого монастыря довез. Там уже ждали. Стала жить при монастыре и молиться. А силы таяли. Уж и есть мало что могла: печень совсем отказывала... И вот сон мне однажды снится. Вижу четверых мужчин, одетых в белое. Они вокруг меня.

Я лежу, а один из них говорит: «Тебе сейчас больно будет. Потерпи, не бойся, рак пройдет». Утром проснулась, а печень не болит. Аппетит появился — на еду накинулась. Ем все, от чего раньше отказывалась — булку, суп. И хоть бы раз в боку кольнуло! Тут отец Кирилл приехал. Рассказала ему про странный сон. Спрашиваю: «Кто меня во сне исцелил?» А батюшка отвечает: «Неужели ты не догадалась? Это тебе Божья милость!»

Сын

— Благословил меня отец Кирилл домой в Нижнекамск съездить — вещи забрать и документы оформить, — рассказывает матушка Антония. — Приехала, а сын и муж меня потеряли. Думали, померла уже. Мужу объяснила, что развод нужен, что в монастырь хочу, душа просится Богу служить.

Он смирился. А сын — ни в какую: «Не пущу!». Посадил на цепь собачью. Три дня держал, даже в туалет водил на ней. Я молилась, чтобы Господь сына вразумил. Отпустил все же Саша меня в монастырь. Но в спину крикнул: «Теперь ты мне не мать...» Вспомнила я тогда, что Господь мне на том свете говорил: «Сын от тебя откажется»...

Постригли меня в монахини с именем Антония. В переводе с греческого это означает «приобретение взамен». В монастыре я поменяла свою жизнь, как тогда Господу обещала.

Потом меня благословили в Вятских Полянах новый монастырь строить, настоятельницей поставили. Служила там. А после инфаркта на покой попросилась. Приехала в Псков, потом в Печоры перебралась. Здесь, возле святых мест, и молиться, и дышать легче...

Дар

Про матушку Антонию в Печорах говорят с любовью. Рассказывают, что кроме великого дара утешать людей есть у нее способность видеть их сущность духовными очами.

— Было время, когда действительно видела, — рассказывает матушка Антония. — Потом упросила Господа лишить меня этого дара. Тяжело это.

— Мне говорили, что вы видели чудо в храме: таинство превращения хлеба и вина в плоть и кровь Христову.

— Это было на Пасху, когда Царские врата, закрывающие вход в алтарь, распахнуты. Стою я возле Царских врат, жду причастия.

И смотрю, как священники у алтаря таинство сотворяют, копьецом из просфоры частицы вынимают. Думаю я: как же хлеб станет Христовой плотью? И тут на алтаре как солнце засияло.

Вижу — вместо просфоры младенчик лежит. Красивый такой, весь светится. А священники его копьецом в грудь! Закричала на весь храм: «Не трогайте младенчика!». Люди на меня смотрят, не поймут, в чем дело. А я вижу: чаша золотая, для причастия,

делается прозрачной, словно стеклянная.
И сама собой наполняется кровью. После службы со страхом рассказала обо всем своему духовному отцу. Он меня успокоил:
«Господь тебе чудо показал, радуйся!». Вот и живу в радости. Хочу сказать всем: смерти нет, есть жизнь вечная. Надо только любить друг друга и быть верными Господу.
— А будущее предсказываете?
— Нет. Одно знаю: Россию тяжкие испытания ждут. Но если мы станем добрее, Господь нас простит...

(по материалам статьи «Монахиня ожила на третий день после смерти»)

Григорий Тельнов, газета «Жизнь», №89 от 14.11.02)